

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО БОГАТСТВА ЧАСТНЫХ ПИСЕМ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Иштван Феринц

(Ferincz István, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H–6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

С.И. Котков (1964) совершенно справедливо подчеркивает особое значение старинной частной переписки для изучения истории русского языка, так как в сравнении с другими источниками того же самого времени она отражает старую устную речь наиболее ярко и непосредственно. Это объясняется с одной стороны тем, что эти письма и грамотки служили средством общения людей, особенно близко связанных деловыми или родственными отношениями, а с другой – тем, что писали их обычно не писцы-профессионалы, а просто более или менее грамотные люди. Так как письма и грамотки предназначались для неофициального общения, они писались довольно свободно, и только минимально зависели от орфографии и норм как приказного, так и церковнославянского языка. Содержание писем определялось кругом тех дел и событий, которые связывали участников переписки. Грамотки-письма свидетельствуют, что к эпистолярному общению кроме знати и духовенства прибегали и помещики и крепостные крестьяне, выборные и старосты, приказчики, дьячки и подьячие, торговые и мастеровые люди, а также и представители низшего духовенства. Причем география этих грамоток достаточно обширна. Изданные материалы (Пам. 1965; Гр-ки 1969) представляют и Москву, и северные и южные области, и среднее Поволжье, а письма XVIII века охватывают еще большие территории распространения русского языка.

Отображение в частной переписке повседневного труда и быта людей, их внутреннего мира, кипения страстей, настроений и характеров дает богатый материал для лексических наблюдений – пишет С.И. Котков (1980: 158), издатель и исследователь источников по истории русского народно-разговорного языка XVII–XVIII вв. Читая эти грамотки-письма, мы убеждаемся, что грамотки подробнее и живее, нежели официальная деловая письменность, знакомят нас с разносторонней хозяйственной деятельностью людей в условиях крепостного права, с производственными процессами, их материальной основой, а также с отношениями, которые складывались между социально неравноправными участниками этой деятельности. В этих грамотках находятся названия хозяйственных строений, наименования сельскохозяйственных культур, земельных угодий и орудий труда, обозначения производственных процессов, погодных условий в области полеводства, лексика огородниче-

ства, садоводства. Также богато представлены в них обозначения предметов и явлений, связанных с областью животноводства, пчеловодством, охотой, рыбной ловлей и т.п. Для иллюстрации вышесказанного приведем несколько фрагментов, дающих об упомянутой лексике известное представление.

В 1694 г. "холоп" И. Данилов и староста Г. Максаков писали своему помещику: посѣено гсдрь авса к Кабылю | КА [= 21] десетина да за Выроу гсдрь посѣено на добрых | земляхъ Д [= 4] десетины с полдесетиною а сѣмень выходило на десетину по три четверти | да гарохѣ посѣено за городами Д [= 4] десетины а сѣмень вышло Е [= 5] чети с осминою пшеницы посѣено въ еравом В [= 2] десетины а сѣмень вышло | на прикасшиковскоі десетине Г [= 3] асмины не переборна высеено а на *другоі* десети [так!] за гарадам вышло сѣмень полтрети асмины с нолѣчетверичком | проса переборнаі посѣено десетина бес полчетвертьки | и та десетина досѣено льном а сѣмень вышло | проса поласмины а лнѣ полтора четверичка а про|са мы ѡбменили на гарох потаму что наша слеглос | а лнѣ гсдрь посѣено в троём мѣсте и в четвертом | мѣсте отдано на слабадѣ четверик да ѡставле|но гсдрь под ечмен В [= 2] десетины [...] гречихѣ гсдрь | еще не сѣбели а земля гатова а что высеем и то | роспис учиним конапи гсдрь посѣены всѣ ѡ|гароды в пору а сѣмень вышло S [= 6] чети с о|сминою да ѡгѣрцовѣ гсдрь посажено на всѣх; аво|шниках М [= 40] грят без двух а ѣсходы гсдрь хлѣбныя | хѣды потаму что у нас стал сѣхмен а казловскоі | мерин бола охрѣмѣл и мы приводили конавала | и ѡн вырезовал выподак і ево бгѣ помиловал | а капуста гсдрь посажена всѣ ѡгароды [...] а прѣд гсдрь с рыбою под рощею по сю порѣ | цел (Ист. 21).

В вестях примерно того же времени, писанных, видимо, приказчиком, говорилось следующее: по твоему гсдрь приказѣ | велено сады заводить и яблоневые гсдрь пни [т.е. сажены – И. Ф.] | принесли немногие люди [...] прикажи гсдрь к при|казнымъ людям писат чтоб они велѣли рожь молотит і везли бѣ на стругѣ [...] | а хмелники гсдрь новые завель и старые | хмелники посоломил а всѣ были запущены і мел|ницы обои построил и пруды запрудилъ (Пам. 125).

В 70-х годах XVII в. приказчик Е. Гаврилов жаловался на крестьян: ани ярь посеели | гсдрь а кавыла [т.е. задерненная целина – И. Ф.] в те поры взала засѣха лоше|д]и гсдрь хѣды ковылы драт не силет Гришка Ши|ла приехал на лошади на хромо [так!] а товаришѣ ево | Аѣонка на жеребенкѣ и ани гсдрь макот[н]о [так!] пашни не сият похат не то што ковылы я | стал им [гов]орит што ездите на хѣдых лошедях и они. мнѣ гсдрь скозали нам де укас есть што двѣм за адною лошедию ходит и с одною | сохою (Ист. 230); тот же приказчик писал: избы | гсдрю не ставили и двора гсдрь по твоемѣ указѣ не городили и ворот не делали (там же, 229).

В 1706 г. староста Д. Прокофьев наговаривал на крестьян орловской деревни: посы|лалъ с ъльями і ѡни не послушали | не повезли да ізволить ты гсдрь імъ | двор строит ѡни не слушаю [так!] не строет | і ѡсека не заплели [...] а пчелы гсдрь | починают роіца (Ист. 27).

Приведем, далее, несколько строк из письма крестьянина Ф. Федорова, писанного в 1696 г.: пощади и помилѡи сиротѡ | своего оброком своим боярским половинѡ тебѡ гсдрю дана а дърѡгои на нынешной годъ пощади Мартын Василевичъ сиратѡ своего потомѡ что скѡденъ и бѡден хлѡбъ позябъ весь | а иной снѡгом запал самъ ты вѡдаеш. гсдрь [...] прикажи гсдрь овса дат на сямья своего боярскова (Гр-ки 76).

Эти фрагменты в общих чертах знакомят нас с наиболее актуальными, хотя, естественно, далеко не всеми элементами лексики сельского хозяйства той поры, показывают, с какой степенью детализации она получала отражение в грамотках. В письмах владельцев поместий и вотчин, в частности, в их распорядительных указах приказчикам, старостам и крестьянам выступает в качестве основного тот же лексический состав. Объясняется это общностью круга предметов, событий и понятий, которые вследствие разных причин так или иначе занимали господскую и крестьянскую среду.

Вот примеры хозяйственных распоряжений. В грамотке конца XVII в. помещик Д.В. Михалков наказывал старосте М. Попкову: кото|рой час са грамотка придет [...] велѡт | на бѡлые хлебы отолоч на ядро пят чети ржи | масо свиное полтевое [т.е. соленое, иногда капченное вяленое на вольном ветре – И. Ф.] по прежнему и гуси и ѡтки | и куры и поросенки шерсть и холсты и хмел по прежнему | лица и масло корове по прежнему да семени конопляного што умолоче|но все привести а гречи што ѡмолочено всю де дат въ | крупы чисто гораздо на торговую рукѡ а на семена оста|вит шесть чети (МДБП 42). В начале XVIII в. некая Марья Матвеевна осведомлялась у приказчика Г. Татарина: что у вас въ Якавьлеве і на Студе|нъце какова хлеба радилось сколка сотѡ|ницъ ржиі сколка авьса і всякава еравова | хлеба сколка стаговъ паставѡлена сена | радились ли у вас агурцы і капуста і сяка аво|щъ і буде агурцы радились і ты ихъ велиі | асалить у себя въ Якавьлеве і наставить | ихъ велиі а наставить в погребѡ на дваре | да атьпиши шъ ка мнѡ что у вас радилось гусей | і утакъ і куръ инѡдеіскиихъ і тебѡ ка мнѡ | прислать аба вьсемъ роспись [...] і буде | дились [так!] у тебя яблакі і ты ихъ прикажиі | упрятать (Мурз. 306–308).

Значение рассматриваемых лексических фактов заключается не только в том, что они знакомят нас с состоянием одной из актуальных лексических групп в XVII–XVIII вв., но и в том, что они вводят в историю отдельных слов и выражений, как свойственных всему языку, так и диалектных. Мы, например, узнаем, что *ковылой* называлась задерренная, целинная земля (Ист.

230), а *овощниками* называли огороды (Ист. 21), *пнями* кое-где именовали саженьцы плодовых деревьев (Пам. 125), хлеб мог *снегом западать* (Гр-ки 76), выражение *прятать хлеб, фрукты* означало: 'убирать фрукты или хлеб с поля' (Пам. 119), засушливое время было известно как *засуха* (Ист. 230) или *сухмень* (там же, 21), сено в старину могли называть *ведряным*, т.е. сухим, сушеным на воздухе, на ветру и радовались добрым дождям – *перемокам* (Гр-ки 22).

Включая в себя и общенародную и областную лексику сельского хозяйства, в том числе и сопутствовавших ему рыбного и других промыслов, материалы частной переписки открывают возможность ее изучения и с точки зрения взаимодействия народно-разговорного языка и диалектов. В свете же подобных лексических фактов история соответственных слов и выражений приобретает более конкретные очертания. Словом, грамотки существенным образом могут пополнять наши сведения о лексике сельского хозяйства в ее былом состоянии.

Кроме того, в данной переписке и в грамотах посадских людей, порой и духовенства часто мелькают наименования разновидностей приказных документов: *выпись, грамота, закладная* 'документ о залоге имущества', *купчая* 'акт о покупке недвижимого имущества', *отказная* 'духовная, завещание', *отписка, указ, челобитная* 'письменная просьба' и т.д.; названия экономических понятий: *жэребий* 'Божий суд', *подушный оклад* 'подать в казну с души податного сословия', *тягло* 'подати, натуральные налоги и повинности неслужилого населения'; обозначения юридических акций: *доправить* 'взыскивать деньги' *на ком-либо, справить* 'записывать, укреплять землю' *за кем-либо*; наименования следственных процедур: *очная ставка* 'одновременный, перекрестный допрос двух или нескольких лиц', *повальный* 'охватывающий всех или многих' *обыск*. Как видим, грамотки-письма заключают возможность исследования в лексическом отношении взаимодействия народно-разговорной и приказной разновидностей русского языка.

Когда авторы грамоток описывали осложняющие дела обстоятельства, разные житейские неурядицы, семейные и социальные коллизии, то они не довольствовались простым изложением дел, а прибегали к эмоциональному повествованию с выразительным изображением особенно волновавших их событий, фактов и состояний.

Характерно в этом отношении взволнованное письмо иконописца, не лишнего, видимо, поэтической души. Помещик И.И. Киреевский нанял его писать иконы и, не выполнив своих обязательств, поставил его в тяжелые условия. Иконописец в отчаянии, используя выразительные народные сочетания (половицы, поговорки) и фразеологизмы народного языка, он так описал свое плачевное положение: посадиль ты меня в такю погибелнью и хдую | избѣ что ни дѣла в ней ни покою толко мѣкою замѣчили и глаза | выкурили и совсем огноилис ѿ потѣ и мокреди иконные дѣла | портятся и дѣлат и

писат в ней невозможно хлѣба и соли ѿ млсти | твоей и харчу доволнова
нѣтъ хлѣбомь и солью и дровами заставиль ты | меня скитатца и хлѣбом по
деревням побирапгца и в город для пѣчнонова хлѣба таскатца и дрова на
плечах и потпоры в ызбѣ | самъ я на себѣ из рошѣ таскаль ѿ того бѣз ногъ и
бѣз рѣкъ | сталь ты изволишь говорит такъ чтоб я жилъ а инои говорит | что
пора з двора [...] из насъ і из животинишки нашей хотят живот выклести | не
проклятова не сопьешъ ни съезъ [...] жит невозможно с воды ѿднои мнѣ
сытѣ не быть [...] кто пива и браги | варит а у меня квасѣ нѣ было а пирога нѣ
то что пшеничнова и ржано|ва нѣ было ни заговѣтца ни розговѣтца было
нѣчем толко посмѣшище | людское всякъ дивится чем мы живимся кто лапти
плететь | тот слаще нас пьет и есть и люди твои смеютца уже де здѣс | і
иконикъ станет лапти плести и я то вижѣ над собою что | ис сапоговъ в лапти
ѡбуваюсь и кожи х костям присѣшили (Ист. 45).

Не менее выразительны наветы и жалобы старосты С. Лукьянова:
загналь а | баб вашей баарскоі капусты | сечъ и он Казма прислал девкѣ | семи
лѣт и а взяв ее да послал | домоі а Казмина снаха ста|ла мена матерна бранит
и а | за то ее прѣтам трожда і у|риль [так!] и мужъ ее мена за варат | зреб
[так!] да свекар и хатели мена | абухами прибит шлюс а гсдрна | на Ѳедоткѣ
Макарава пасынка | три катки капѣсты секли семь | днеі какал гсдрна работа |
а прикащик с ними патакает | заодна (Ист. 202–203).

Эмоциональным настроем грамоток, как видим, было обусловлено
употребление в них лексических средств, необходимых для подробного опи-
сания и субъективной оценки тех событий, поступков, фактов и людей, с ко-
торыми связывались судьбы авторов. В грамотках, адресованных близким
людям, в особенности женщинам, нередко довольно подробно рассказыва-
лось о мелочах вседневной жизни, обо всем, что в общем составляло быто-
вой, домашний ее уклад. Разумеется, в них получал отражение уклад преиму-
щественно той среды, которой они принадлежали, в основном – помещичьей
и посадской (ремесленной и торговой), в меньшей мере – крестьянской.

Лексика, характерная для интимной речи, выражения душевных пере-
живаний в письменном общении той поры, кроме литературно-художествен-
ных текстов, выступает, пожалуй, только в грамотках. Колоритные лексиче-
ские элементы речевого интимного общения встречаем прежде всего в посла-
ниях, писанных женщинами или со слов женщин. Они обыкновенно звучат в
обращениях к любимым, близким людям, в изъявлениях нежной привязанно-
сти к ним, в воспоминаниях об этих людях, в изъявлениях самых разнообра-
зных чувств. Выделяем в этом отношении письма Д. Ларионовой: Гсдрю
моемѣ і дрѣгѣ сердешному Иванѣ Семеновичю, – писала она мужу, – женишка
твоя Дашка | премного чело [так!] бьет здравствуй друг мои Иванъ
Семеновичъ на мно|жество лѣт [...] не печался побереги своего здоровья

умилис надо мною над такою бедною безродною і над детми а я безродная і беспомошная (Ист. 65–66), а по поводу укрепления супружеских уз далее говорила: послала я к тебѣ | друг мои связочку извол носит на здорове і связыват головушку | а я тое связочку целой днь носила і к тебѣ друг мои послала извол носит на здорове а я ей ей в добром здорове а которья у тебя друг мои есть в Азовѣ кафтаны старья изношены и ты друг мои пришли ко мне отпоров от воротка лоскуточикѣ кам|ки и я тое камочку стану до тебя друг мои стану носит бѣдто | с тобою видятца (Ист. 66). Колорит интимного речевого общения создают такие лексические средства, как выражения *друг сердечный, свет мой, не печалься, изволь носить на здоровье, будто с тобою видеться, слова умились, беспомошная и безродная, божба ей-ей, уменьшительные образования головушка, связочка* и пр.

В другом письме Д. Ларионова пишет: как обрадовалась с детьми, узнав о здоровье мужа, а в ответ на опасения, что она больна, "печалится без рассудку", успокаивает супруга: я друг мои еі еі не пѣчалюс і в добром | здорове, сообщая далее, что дочери взамен именинного калача послали ему колечко золотое и платочек: колечко Катюшкино изволь на ручке своей носит на здорове | а Парашенкиным платочком изволь ътиратца на здорове (Ист. 67).

Нет необходимости умножать примеры. Особое, не восполнимое другими источниками, место писем-грамоток в исследовании словарных богатств народно-разговорного языка, особенно его интимной речи, отражающей внутренний мир человека, представляется очевидным.

Словарное богатство грамоток в тематическом плане многообразно. Кроме рассмотренных и названных выше, в них обнаруживаем заметное присутствие и таких, например, лексических групп, как термины родства *баба 'жена', бабушка, батюшка, брат, внучата, дед, дедушка, дети, детки, детушки, дочеришка, дочь, дядюшка, дядя, жена, женишка, зять, невестка, отец, отчим, племянник, племянница, свояк, тесть, теща* и др.; наименования различных мер: *аршин, верста, десятина, кулек, куль 'старая торговая мера сыпучих тел, около 9 пудов', мера 'народная единица емкости сыпучих тел, а также сосуд для их измерения', мешок, пуд, четверть, четь 'четвертая часть чего-л.'* и др.; отглагольные наименования отвлеченных понятий, оформленные посредством суффикса *-ние: веление, владение, воздание, говение, забвение*; оформленные суффиксом *-ка: возка, выгрузка, высылка, выторжка, грузка, задержка, кладка, конопатка, очистка, покупка, поноска, уделка* и др.; разного рода бессуффиксные образования от имен прилагательных на *-ость: бедность, благость, близость, бытность, верность* и т.д.; глаголы движения и говорения; обильны в грамотках и ономастические материалы.

Народно-разговорный язык, за немногими исключениями, составлял лексическую основу грамоток. Основное содержание грамоток, за вычетом

приветственных зачинов и исполненных добрых пожеланий концовок, излагалось в основном в народно-разговорном ключе. Напротив, зачины и концовки, с их нередко усложненными фразами, характеризовал порой довольно значительный, церковно-книжный элемент. При помощи лексических средств церковно-книжного языка выражались любовь, расположение к адресатам, нарочитое смирение перед ними, заверения в преданности и т.п. Употребление подобных оборотов в составе зачинов и концовок обуславливалось определенными нормами поведения и обхождения того времени. Таких примеров можно привести немало, вот некоторые из них: гсдрю многомлствому Ивану Василевичю смѣю и не смѣю | сие писаница писат вскормленик твоі гсдря моего пре|свѣтлоі трапезы Івашко Ѳедоров пад на зземлю [так!] да лица | земного челом бью подаі тебѣ гсдрю моему многол[ет]ное здарове і со всеми детушки своими на вѣки в[е]ков (Ист. 56); гсдрю моему млстивому приятелю брату Ивану | Ѡндрѣвичю пад подножию твоему Улянку Ковѣзин | челом бьет многолѣтно гсдрь здравствуи со всѣми своими ближни [так!] приятели и з благочести|вым своим праведным домом (Ист. 83); гсдрю добросродственному ко мнѣ сердоболу и ближнему | приятелю Ивану Андрѣвичю тотка твоя Афонасева же | на Логиновича Пелагѣя челом бью здравствуи Иван Ондрѣвич съ семею своею и з детми на многія лѣта и буд покровен десницею вышняго со всѣм своим блгодат|ным домом (Ист. 84); гсдрю моему млстивому батюшкѣ | Ѳеодоту Димитриевичю снѣ твоі | Савва падь пред четными твоими | ногами блгословения твоего оте|ческаго прося много челомъ бью до ли|ца земнаго здравие твое да сохранить | вседержащая десница вышняго бга | і впредь идѣщия на лѣта многа (Ист. 119–120); детям моим Петровым Якову и Ѳедору Петро|вичам ѡт мена вам мир и любов і вечное мое вам | блгословение буди над вами милость бжиа | всегда і во веки амин (Гр-ки 47). Концовки того же свойства: за сим бга мола о тебѣ блгодѣтелѣ своем | прося млсти челом бьемъ (Ист. 70); по сем тебѣ гсдрю | своему пад подножию твою много | челом бью и з женишкою своею (Ист. 83); по сем тебѣ писавы [так!] Ѳедка Пазухин стократно | челомъ бьет (Ист. 155); за сем тебѣ гсдрю | неотступноі раб твоі Бариско паки | припадающе к ногам твоим тебѣ гсдрю рабски множественно много | челом бью (Ист. 175); А твоего здоровья слышат жаден | и много челом бью (Гр-ки 16); по том тѣбѣ гсдрю мало пишѣ а много челом | бью до лица земнаго гсдрю моему брату Михаилѣ Ѳедоровичю да сестрице Марюшке Ѳедоров|не братишко ваш Петрѣшка челом бью рабскиі | до лица земнаго (Гр-ки 27); по семъ бгъ мира да бѣдетъ с вами днес и на вѣки и з добротворящими к вамъ члвки здравствѣите (Гр-ки 113); по томъ тебѣ свету

своему много | множество челом бью и буди свѣтъ мой | бгом хранимъ (МДБП 31).

Предварительные наблюдения показывают: церковнославянские элементы свободно и органически переплетаются с лексическими средствами народной речи, в том числе и с наделенными уменьшительно-ласкательными значениями.

Что касается фразеологии, то в грамотках наличествуют и приказная, и разговорная. Первая, как и приказная терминология, употреблялась в том объеме, в каком у авторов грамоток – в основном помещиков и посадских людей – вершились дела в московских приказах и периферийных учреждениях; а употребление разговорной фразеологии было более "просторным". Фразеологические же средства церковнославянского языка были богато представлены в составе зачинов и концовок. Образцов такой фразеологии, связанных с нормами поведения и обхождения того времени можно было бы привести немало, но в дальнейшем я хочу остановиться только на употреблении в письмах словосочетания *бить челом*.

Сочетание *бить челом* и возникшие на его базе сложное слово *челобитье* и субстантивированное прилагательное *челобитная* встречаются в памятниках – по доступным нам источникам и собственным наблюдениям – с XIV века. Значение древнерусского сочетания *бити челом* и слова *челобитье* так определяет М. Фасмер в своем этимологическом словаре (Vasmer 1958: 312): 'untertänigst bitten'; eigentl. bedeutet es 'Stirnschlagen, mit der Stirn den Boden berühren' (zu чело 'Stirn', бить 'schlagen'). Первоначально сочетание *челом бити* означало: стоя на коленях, униженно кланяться так низко, чтобы челом (лбом) доставать до земли, до пола (см. Молотков 1967: 37), т.е. 'отвешивать земные поклоны, почтительно кланяться, приветствуя кого-л.' или 'униженно просить, хлопотать о чем-либо'. На основе этого основного значения сочетания *бить челом* возникло сложное слово *челобитье*, производное с суф. *-j-* (< *-ij-*), ныне устаревшее, имеющее значение: 'поклон до земли с прикосновением лбом к земле', 'приветствие', 'подача письменной просьбы, жалобы'. Слово *челобитная* (письменное прошение обычно на имя царя или местным властям в Русском государстве XV – начала XVIII века) является собственно русским. Образовалось в результате субстантивации прилагательного на базе фразеологического оборота *челобитная грамота*. Прилагательное *челобитная* образовано с помощью суф. *-n-* от *челобитье* (Шанский и др. 1971: 489).

Интересно отметить, что в венгерском языке сочетанию *бить челом* соответствуют *vkit alázattal, hódolattal köszönt; vkihez alázattal folyamodik; könyörög, esedezik (esdekel) vmiért*. Рассматривая этимологию венгерских слов *könyörög, esküszik, esedezik, esdekel*, исследователи обратили внимание на то,

что эти слова первоначально также обозначали действия: припадать к чьим-л. ногам, просить стоя на коленях, кланяться, что, по-видимому, свидетельствует о подобном способе выражения униженной религиозной просьбы, с которой предки русских и венгров обращались к своим божествам-идолам еще в языческие времена, как это наблюдалось еще в прошлом веке у народов ханти и манси. (Об этом см. Mészöly 1982, а также Mokány 1980: 30–32.)

Для иллюстрации употребления словосочетания *бить челом* в различных значениях, мы используем материалы частной переписки.

1. В зачинах изучаемых писем встречаются многочисленные примеры, в которых значение сочетания *бить кому челом (челом ударить)* – 'низко, почтительно, униженно кланяться, приветствуя кого-л.': Гсдрю моему Андрѣю Ильичю, Гришка Аничков челом бьет (Пам. 10); I всѣмъ премного челом бью которые при тебѣ пребывают (Пам. 9); раб млсти твоеи Ганко Алеѣвъ премного челом бью (Пам. 9); Гсдрю нашему Ивану Ивановичю да гсдрни нашей Мариі Дмитревной да гсдремъ нашимъ Василию Ивановичю да Настаси Ивановной Козелского уѣзду села Долбино крестьянишка твои старостишка Лаврушка Воробев челом бьет (Ист. 22); Гсдрю Ивану Ивановичю холоп твои Пронка Прокохевъ да старостишка Петрушка Григоревъ челом бьют (Ист. 26); Гсдрю Ивану Ивановичю московска двора твоего дворник Василеи Григоревъ челом бьет в доме твоемъ все дал бгъ здорова да буди тебѣ ведома что бил челомъ тебе Афонасеи Михайловъ снь Растовской чтобы ему жит на твоемъ дваре (Ист. 31); а на меня не погневося что не приѣхол да вашей особы челомъ ударить (Ист. 30); а на меня не погневоися что не приѣхол да вашей млсти челомъ ударит толко на два дни ѡтпущень племянник вашей особы (Ист. 30).

Что касается церковнославянского влияния в частной переписке, как показывают приведенные примеры, то характерны в этом отношении церковнославянские формы слов: *наки*, *Сѣло* – а жена моя Сѣло болна (Ист. 30); Сѣлѡ я благодарен за писание вашего предпочтительства (Ист. 31); а также характерно оформление зачинов грамоток, а иногда и заключений. Эти приветствия чаще всего сопровождалось с пожеланиями здоровья и благополучия адресатам, с выражением нарочитого смирения перед ними: да здравствуете гсдри наши на множество лѣт (Ист. 23); или многолѣтно здравствуй со всѣмъ своимъ праведнымъ домамъ (Ист. 23); многолѣтно, и благополучно радостно здравствуй на многие лѣта (Ист. 24). Здесь довольно часто встречаем усложненные, порою затейливые фразы, или просто заимствованные из церковной литературы, или сложившиеся у русских в процессе ее чтения. Напр.: Здравие ваша да сохранить десница вышнего бга на лѣта много с млстивою моею гсдрнею с матушкою с Марьею Дмитрѣвною и сестрицаю Настасею Ивановною за писания вашей млсти

благодарень и впреть нас по своей млстивої утробе не оставь чего мы всегда сердечно слышат желаем (Ист. 29).

2. После приветствия автор письма обыкновенно благодарит адресата за оказанную ему помощь, внимание, подарок и т.д., другими словами, употребляется предложное словосочетание *бить кому челом на чем* – 'усиленно благодарить': Челом бью на твоём гсдря моего жаловане что пожаловал по млсть своей поиль і кормил і всёмь покоиль (Пам. 9); Челомь гсдрь бью на твоём жаловане что ты жаловал ко мнѣ писал двожды о своём многолетномь здраве (Пам. 12); Челомь бью на твоём жалованье что писал ко мне в своём здраве (Пам. 15); Челомь гсдрь бью на твоём жаловане что ты будучи в Боровске [...] жаловал людишек моих и крестьянишек (Пам. 17); Челом гсдрь бью на твоём жаловане на рыбке да еще гсдрь бью челом на твоём жаловане што жаловал людишек моих пожаловал ссудил их денгами (Пам. 18); Челом гсдрь бью на гостинцах тебе и Агафье Василевной а на писме на грамотке не челом бью, хорошо было тебе повставитца (Пам. 39); Челом гсдрь мой бью на приятстве твоём на тетеревах что пожаловал меня любовью заочно не забыл (Пам. 57).

3. Однако, часто после приветствия автор письма непосредственно переходит к изложению своей просьбы. Оно вводится словосочетанием *бить кому челом (челом ударить) о чем* – 'почтительно просить, хлопотать о ком-л., о чем-либо'. Если в просьбе содержится, собственно говоря, ходатайство в интересах кого-л., то это выражается конструкцией *за* + винительный падеж: я вскормленикъ твои по твоему приказу к нему Акиму ездиль и бил челом о рыбе (Пам. 11); а мнѣ убогому тогѣ дѣла без млсти твоеї вершит і о том бит челом невозможно (Ист. 23); а он Иван прислал в Розряд за рѣкою челобитнѣю бьет челомь о переменѣ чтоб гсдрь указал ево из Ераславца переменить (Пам. 12); и о том побей челомь боярину князь Василю Василевичю чтоб он он послал с вами слугу своею (Пам. 20); Аврамь Лутовинов бил челомь о том поместье о дрвни Кобозевой (Пам. 22); да бил я челом тебе о Иване Мишкееве [...] удиви милость над нимь (Пам. 24); и ты гсдрь никому не бивал челом о том деле и не говаривал (Пам. 42); умиловивись надо мною побѣи челом за меня думному Василю Григоревичю (Пам. 52); да велел ты побит челом в подводах лесѣ повозит (Пам. 54); а буде тебѣ станеть салдаты Харка о чемь бит челом по своей млсти пожалуи гсдрь ево Харку (Пам. 55); да и думнаму дяку Василю Григорявичю пожаљуи побей жа челом за меня раба свояво (Пам. 59); да за меня ж гсдрь мой пожалуи побей челом думному дворянину (Пам. 60).

4. Как показывают примеры, для выражения того, за что авторы писем выражают адресату благодарность, все чаще употребляется конструкция *бить кому челом за что* – 'благодарить': Челомь бью за твою премногою к

себѣ заочною млсть что пожаловал (Ист. 23); Челом гсдрь бью за пьремъногю твою къ бе милосѣт что [...] учнилъ мне въ людехъ указъ (Пам. 17); челомъ гсдрь бью за премногою твою гсдря моего к себе млсть что жалуеш людишек моих и крстьяннишек (Пам. 22); за премногую твою к себѣ млсть стократно челомъ бью (Пам. 24); Челомъ гсдрь бью за премногую твою гсдря моего к себѣ млсть что ты по млсти своей меня работника своего в забвение не ѳчинил (Пам. 26); Челомъ гсдрь бью за милость твою гсдря моего что пожаловал велел допросит арленина сына боярскова Микиту Арнаутова (Пам. 28); за всякоя милосердие твое Ѳетка Бѣзобразовъ челомъ бьет (Пам. 42); Челомъ гсдрь бью за твое жалованя что пожаловал меня ѳбогова поискаль прислал великого гсдря грамоту о моемъ окладе (Пам. 49); а я тебѣ гсдрю бѣдѣ бит челомъ за твою млсть (Пам. 51), аже дасть бгъ увижу твои гсдря моего очи і я за вся твоя блгая буду бити челомъ (Пам. 54).

5. Довольно часто встречается в письмах предложное словосочетание *бить кому челом на кого* – 'жаловаться кому-л. на кого-л.': и ты прикажи члвченку моему побит челом на поручников чтоб их поставили к суду (Пам. 40); брат ево Яковлев Григорей бил челом на батюшка и на дядю об межеване [...] будет Яков станет на нас бит челом и ты изволь на нево бит челом государевым указом (Пам. 43).

6. Так как в частных письмах довольно часто излагается несправедливость к незащитному маленькому человеку, когда ему остается об этом только доносить, докладывать вышестоящему своему господину, или попросить его заступаться за него, то конструкция *бить кому челом* 'доносить, докладывать' представляет собой частое явление: Изволил ты гсдрь писать паметку с Савою Лукьяновым что бить челом Ивану Головкову обо всем и он меня и на очи не пустит ни сказки ничего не слушает [...] никоими мерами нельзя побить челом ни о чем, и я бил челом воеводе і воевода посылал досматриват (Пам. 13); а многое гсдрь мне розорение учинили [беглые люди – И. Ф.] и я бил челомъ великому гсдрю и мне дана великого гсдря грамота к етъману к Ивану Самоиловичю велено гсдрь тех моих беглых людей сыскать (Пам. 19); прашѣ гсдрь млсти побѣи челом моим словомъ батькѣ Андрею Дмитриевичю чтоб пожаловал с тобою приѳхал ка мнѣ х празднику (Ист. 19); да послал гсдрь я на Вологду члвка своег Михаила Онтипова а велел ему бит челомъ Ивану Ѳеодоровичю Нащокину о убитом своем крстьянине (Пам. 33); і ты пожалуй гсдрь зделаися с нимі какъ я тебѣ гсдрь бил челом (Пам. 40); и я за тем делам ходил и Василию Семеновичю Семенову бивал челом чтобы он побил челом околничему (Пам. 42); а как Ѳеодор Леонтьевич мимо Белев ѳхал и я к нему приходил челом ѳдарит (Пам. 48).

7. Из других источников нам известны примеры, в которых конструкция *бить кому челом* чем имеет значение 'поднести в дар, дарить, одаривать'.

В изучаемых нами письмах, мы встретили следующие примеры: И он Акимъ тебѣ гсдрю бѣет челом ис своего прѣда триста корасеи, полтораства linee извол гсдрь прислать по рыбѣ (Пам. 11); А я ѡбога тебѣ же гсдрю ис своего ѡбогова прѣдишка челом бѣю пятьдесять корасеи (Пам. 11); челом гсдрь бѣю тебѣ парѣ гончих собакъ вышлеца да сѣкѣ (Пам. 50). Из контекста ясно, что конструкция *бить челом* + винительный падеж или количественное сочетание имеет значение 'поднести в дар, посылать в дар'.

8. Как уже говорилось, известную стандартизацию можем наблюдать не только в зачинах, но и окончаниях писем. Авторы таким же униженным и нарочито смиренным тоном заканчивают свои письма, как и начинали. Приведем несколько характерных заключений писем: за симъ Митка Аблочков премнога челом бѣю (Ист. 19); За семь гсдрь много челом бѣю (Пам. 10); А семь писав вскормленикъ млсти твоеи Калинка Бахметев покорно челом бѣю (Пам. 11); за семь писаниемъ Панка Яблочкав стакротнo премнога челом бѣет (Ист. 24); за семь искател і вскормленикъ млсти твоеи калинка Бахметев челомъ бѣет (Пам. 13); А семь писав вечной твои работник Андрюшка Бѣзобразов челомъ бѣю (Пам. 17); а семь писав вечной твои работник Андрюшка Бѣзобразовъ со ѡпрошениемъ челомъ бѣю (Пам. 21); по семь тебѣ гсдрю своему млству корѣмилицѣ челомъ бѣю да лица земнаго (Пам. 36), о семь тебѣ гсдрю пад на землю со слезами челом бѣю (Пам. 49); за семь тебѣ гсдрю своему рабски о землю челомъ бѣю (Пам. 61); по сем тебѣ гсдрю своему пад подножию твоѣмѣ много челом бѣю и з женишкою своею (Ист. 83); по сем тебѣ писавы [так!] Ѳедка Пазухин стократно челомъ бѣет (Ист. 155); за сем тебѣ гсдрю неотступноі раб твоі Бариско паки припадающе к ногам твоим тебѣ гсдрю рабски множественно много челом бѣю (Ист. 175); и употребляющиеся в них словосочетания (*челом бѣю да лица земнаго, пад на землю челом бѣю, о землю челом бѣю*) хорошо отражают, что сочетание *бить челом* первоначально действительно означало: 'стоя на коленях, униженно кланяться до земли, до пола'.

Как показывают приведенные нами примеры (они, конечно, не претендуют на полноту), сочетание *бить челом* широко употреблялось и играло важную роль в передаче разных форм человеческого обхождения, отраженных в частных письмах XVII–XVIII веков. Затем, с изменением общественного строя и в результате с изменением человеческих отношений в обществе, это сочетание устарело и вышло из употребления.

* * *

Уважаемому юбиляру, прекрасному преподавателю и специалисту Йожефу Юхасу мы, венгры не только за Толковый словарь венгерского языка

(ÉKsz.) искренне благодарны, но и за чудесный перевод "Житий" протопопа Аввакума и Епифания на венгерский язык (Avvakum–Jepifanyij 1971), а автор этой скромной статьи ему премного бьет челом на добром слове и на поддержке, желает ему здравствовать на многие лета, пребывать в творческой силе и во всяких радостях вместе с теми, кто его любит и ему всякого добра желает.

ЛИТЕРАТУРА

- Гр-ки – *Грамотки XVII – начала XVIII века*. Издание подготовили Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова. Под ред. С.И. Коткова. Москва: Наука, 1969.
- Ист. – С.И. Котков, Н.П. Панкратова, *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века*. Москва: Наука, 1964.
- Котков, С.И. 1964, Материалы частной переписки как лингвистический источник. В кн.: С.И. Котков, Н.П. Панкратова, *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века*. Москва: Наука, 3–13.
- Котков, С.И. 1980, Старинная русская частная переписка. В кн.: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. Москва: Наука, 155–238.
- МДБП – *Московская деловая и бытовая письменность XVII века*. Издание подготовили С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. Москва: Наука, 1968.
- Молотков, А.И. (ред.) 1967, *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Советская энциклопедия.
- Мурз. – Н.И. Тарабасова, Частные письма из Мурзихинского архива. В кн.: *Восточнославянские языки. Источники для их изучения*. Москва: Наука, 1973, 306–308.
- Пам. – *Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А.И. Безобразова)*. Издание подготовили С.И. Котков, Н.И. Тарабасова. Москва: Наука, 1965.
- Шанский, Н.М., Иванов, В.В., Шанская, Т.В. 1971, *Краткий этимологический словарь русского языка*. Москва: Просвещение.
- Avvakum–Jepifanyij 1971, *Avvakum protopópa önéletírása. Jepifanyij szerzetes önéletírása*. Fordította és a jegyzeteket írta Juhász József. Az utószót Török Endre írta. Budapest: Magyar Helikon.
- ÉKsz. – József Juhász, István Szőke, Gábor O. Nagy, Miklós Kovalovszky (szerk.), *Magyar értelmező kéziszótár*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972.
- Mészöly, Gedeon 1982, Az esküszik szó eredete. In: Gedeon Mészöly, *Népünk és nyelvünk. Válogatott tanulmányok*. Budapest: Gondolat, 80–89.
- Mokány, Sándor 1980, *Magyar szófejtések*. Budapest: Akadémiai Kiadó. (Nyelvtudományi értekezések 105.)
- Vasmer, Max 1958, *Russisches etymologisches Wörterbuch IV*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.